

Грамматикализация конструкций с вентивом и андативом в японском языке

А. А. Кузнецов

Институт лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург, Россия);
artemiyk83@gmail.com

Аннотация. В статье рассматриваются конструкции с вентивом и андативом в японском языке. Проверяется гипотеза о том, что функции, в которых конструкции обнаруживают наибольшую степень грамматикализации, развились в языке позже тех, в которых степень грамматикализации ниже. Сопоставление результатов эксперимента и диахронического анализа показывает, что гипотеза подтверждается только в рамках вентива и андатива как отдельно взятых показателей. Вместе с тем в ряде функций они могут рассматриваться как члены грамматической оппозиции в современном японском языке. Это свидетельствует о том, что грамматикализованность отдельно взятых единиц в синхронии, измеренная квантитативно, отражает закономерности их исторического развития, однако наличие парадигматических отношений между этими единицами в синхронии не означает параллелизма в их диахронической грамматикализации.

Ключевые слова: японский язык, древнеяпонский язык, классический японский язык, глаголы движения, вентив и андатив, грамматикализация, ориентив, инхоатив, таксис, инверсив, глагольная множественность, диахрония, корпусный анализ, анкетирование.

Благодарности. Настоящее исследование частично проводилось при поддержке Гранта для молодых исследователей в рамках программы Японо-Российского центра молодежных обменов (JREX Fellowship). Я хочу поблагодарить С. С. Сая, Т. А. Майсака, В. В. Модину, а также анонимного рецензента и выпускающего редактора А. Ю. Русакова за их неоценимую помощь в подготовке этой статьи. Я также признателен моим японским информантам за участие в составлении стимульного материала. Разумеется, все изъяны и неточности остаются полностью на моей совести.

Grammaticalization of constructions with andative and ventive verbs in Japanese

A. A. Kuznetsov

RAS Institute for Linguistic Studies, St. Petersburg, Russia; artemiyk83@gmail.com

Abstract. As a result of grammaticalization, two Japanese constructions with a ventive (*kuru*) or andative (*iku*) auxiliary have developed a wide range of types of usage. This paper aims to test a hypothesis that the more grammaticalized types of usage appeared in the language earlier than the less grammaticalized ones. The hypothesis is based on such well-known cases of grammaticalization as the contemporary English verb *will* which can function as both an auxiliary and a lexical verb, with the degree of its grammaticalization depending on its actual function. The study was split into two phases.

First, I conducted a synchronic analysis of the two constructions in Modern Japanese by 1) classifying the types of their usage, and 2) determining the degree of grammaticalization for each type. For the latter, I explored the acceptability of *-(r)are*-honorification for the two auxiliaries using a questionnaire survey. The experimental results, which were statistically analyzed (one- and two-way ANOVA with post-hoc Tukey HSD), indicate that the most grammaticalized type of usage for *kuru* is the inverse and for *iku*, the distributive type. Notably, the inverse type demonstrates a higher degree of grammaticalization compared to the distributive.

Second, I compared these constructions with diachronically related constructions in the Old (700–800 AD), Early Middle (800–1200 AD), Late Middle (LMJ, 1200–1600) and Modern (NJ, 1600–) Japanese. The data was collected from the Corpus of Historical Japanese [CHJ] and from earlier studies on the subject matter [Inoue 1962; Kojima 1998]. Chronologically, examples of the inverse type appear later in the corpus than any other type of usage for *kuru*, with the distributive usage of *iku* showing a similar picture. Importantly, though, the inverse type appears in the language earlier than the distributive type.

The results of the questionnaire survey and corpus analysis partially corroborate the diachronic hypothesis: as far as each verb is considered separately, the most grammaticalized usage types prove to be the most recent ones (the “inverse” usage for *kuru* and the distributive usage for *iku*). However, with the two verbs put into the same category, the diachronic hypothesis does not hold: the inverse, the most grammaticalized usage type seems to have developed at an earlier stage than the synchronically less grammaticalized distributive type. This indicates that the two constructions must have developed independently despite the fact that in some usages they can be

viewed as members of a single grammatical category in Modern Japanese. Following [Shimizu 2010], I also hypothesize that the inverse type might have developed from the inchoative type.

Keywords: Modern Japanese, Old Japanese, Early Middle Japanese, motion verbs, andative and ventive, grammaticalization theory, spatial deixis, inchoative, durative, inverse, verbal plurality, diachronic linguistics, corpus analysis, questionnaire survey.

1. Введение

1.1. Постановка задачи

В процессе грамматикализации японские конструкции, состоящие из конverbной формы смыслового глагола (*V-te/de-*) в сочетании с вентивом (*kuru* ‘приходить’) и андативом (*iku* ‘уходить’)¹, развили широкий спектр дейктических и аспектуальных функций [Конуна 2014: 777]. Целью работы является проверка гипотезы о наличии корреляции между грамматикализованностью конструкции в той или иной функции и временем появления этой функции (ее «возрастом»): предполагается, что функции, в которых конструкция обнаруживает наибольшую степень грамматикализованности, развились в языке позже остальных. Эта гипотеза основана на примерах грамматикализации, описанных в других языках. Например, современный английский глагол *will* может использоваться и как служебный, и как полнозначный, однако в зависимости от выполняемой функции

¹ В широком смысле под терминами **вентив** и **андатив** понимаются показатели глагольной ориентации, выражающие центростремительное и центробежное перемещение соответственно [Плунгян 2011: 254–255] (более подробно об использовании этих терминов применительно к японскому материалу см. *Раздел 1.3*). В современном японском языке эти значения выражаются глагольными корнями *k-* и *ik-* соответственно, однако здесь и далее будут использоваться так называемые словарные формы (формы индикатива не прошедшего времени) — *kuru* и *iku*.

он будет демонстрировать разную степень грамматикализации. Так, в функции показателя будущего времени он обнаруживает утрату словоизменительных форм, а также редукцию фонетической и семантической субстанции, однако в значении 'желать' он сохраняет все признаки полнозначного глагола. При этом достоверно известно, что служебная функция развилась в языке позже. Таким образом, более грамматикализованное употребление оказывается более «молодым».

Для проверки этой гипотезы на материале японского языка принимаются следующие шаги. Сперва предлагается классификация тех функций, которые анализируемые конструкции выполняют в современном японском языке (2000-е гг., далее сНЯЯ) (*Раздел 2*). Затем при помощи диагностического теста выявляется степень грамматикализованности конструкций в зависимости от выполняемой ими функции (*Раздел 3*). Наконец, с целью зафиксировать первые употребления описанных функций анализируются данные корпуса Corpus of Historical Japanese [CHJ] на четырех срезах японского языка: древнем (700–800 гг., ДЯЯ), классическом (800–1200 гг., КЯЯ), средневековом (1200–1600 гг., СЯЯ) и новояпонском (1600–2020 гг., НЯЯ) (*Раздел 4*). В завершение предлагается интерпретация полученных данных, а также выдвигается предположение относительно пути грамматикализации инверсива (*Раздел 5*).

1.2. Обзор литературы

Начиная со второй половины 1960-х гг. в японо- и англоязычной литературе неоднократно предпринимались попытки описать функции конструкций с *iku* и *kuru*. Всего насчитывается более 20 версий такой функциональной классификации. Интересны попытки описания служебных функций *iku* и *kuru* как семантических дериватов их лексического значения [Hasegawa 1993; Nakayama 2010]. Эти классификации выполнены в русле подхода известного как «семантика прототипов» и разработанного в трудах Чарльза Филлмора [Fillmore 1971]. Из наиболее влиятельных работ в функционально-когнитивном ключе следует отметить статью [Shibatani 2003], в которой впервые

выделяется инверсивная функция вентива. Подробно эта функция анализируется в работах [Koga 2008; Shimizu 2010; Sumida 2011]. В последние годы появляются также формальные описания, основное внимание в которых уделяется семантической деривации служебных функций [Hidaka 2018]. Что касается грамматикализации этих конструкций, то она исследовалась главным образом с точки зрения синхронии, то есть путем сравнения различных функций в рамках только одной эпохи [Inoue 1962; Kojima 1998; Shibatani 2007]. В настоящей же статье предлагается диахронический взгляд на данную проблему.

1.3. Уточнение понятий

Прежде чем перейти к описанию функций, необходимо сделать ряд терминологических уточнений. В настоящей работе под **конструкцией** понимается последовательность единиц, одни из которых являются фиксированными, а другие — значениями потенциально неограниченной или ограниченной переменной. В анализируемых конструкциях показатели основы смыслового глагола (*-te/de-*) и служебные глаголы (*-ik/yuk-* и *-k-*) являются фиксированными элементами; корень смыслового глагола (V) выступает в качестве значения неограниченной переменной; наконец, показатели на служебном глаголе являются значениями ограниченной переменной. Исследуются четыре конструкции: 1) V-*te-k-* (V-*CVB-COME-*) и 2) V-*te-ik-* (V-*CVB-GO-*) в СЯЯ и НЯЯ; а также их эквиваленты в ДЯЯ и КЯЯ: 3) V.inf-*k-* (V.INF-COME-) и 4) V.inf-*yuk-* (V.INF-GO-). Глагол в форме конверба на *-te/de-* или инфинитива мы будем называть **смысловым**, а *iku* (*yuku*) и *kuru* (*ku*), употребленные в составе конструкции, — **служебными**. Глаголы *iku* (*yuku*) и *kuru* (*ku*), употребленные вне конструкции в их первичном лексическом значении, будут именоваться **полнозначными**. Под терминами **андатив** и **вентив** подразумеваются, соответственно, *iku* (*yuku*) и *kuru* (*ku*) во всех их употреблениях, включая полнозначные. Необходимо отметить, что в лингвистической типологии под этими терминами, как правило, понимаются только показатели дейктической ориентации

при центробежном и центростремительном перемещении соответственно [Плунгян 2011: 255]. В настоящей работе *iku* (*yuku*) и *kuru* (*ku*), употребленные в этой функции, будут обобщенно называться **ориентивами**, а сами функции **ориентивными**, или **пространственными**. Функции инхотатива, глагольной множественности, а также таксисная функция (см. далее) будут называться **аспектуальными**. Все функции, за исключением ориентивных, будут называться **непространственными**. Термины **функция** и **употребление** в этой работе используются как взаимозаменяемые.

Также в настоящей работе используется термин **дейктический центр**, под которым обычно понимается «место осуществления речевого акта (т. е. то место, где находится говорящий)» [Плунгян 2011: 229]. Это определение актуально для диалогической ситуации. Однако важно отметить, что дейктический центр может быть смещенным (или «вторичным»), то есть не связанным с речевой ситуацией: говорящий в этих случаях ассоциирует себя с третьим или даже вторым лицом (ср. англ. — *Will you come to my party? — Yes, I'll come*, где дейктическому центру соответствует первый говорящий). Для аспектуальных функций *iku* и *kuru* актуально также понятие **временного дейксиса**, центр которого может быть трех типов: момент речи, время события и точка отсчета во времени.

2. Классификация функций *iku* и *kuru*²

2.1. Ориентив

В этой функции показатели *iku* и *kuru* указывают соответственно на центробежное и центростремительное перемещение относительно дейктического центра.

² Ниже приводится тот фрагмент классификации, который является наиболее релевантным для целей настоящего исследования. Более подробное описание функций *iku* и *kuru* представлено в [Кузнецов 2020: 12–60].

- (1) *Tarō-wa gakkō-e arui-te-ki(i)ta*
 Таро-ТОР школа-ALL идти.пешком-CVB-COME/GO-PST

‘Таро пришел / ушел в школу пешком’. [Shibatani 2007: 35]³

Вопреки распространенному мнению [Shibatani 2007: 35; Nakayama 2010: 110], употребление вентива и андатива в контекстах типа (1) не является обязательным [Кузнецов 2020: 25–31], однако оценивается носителями как предпочтительное. Этот факт свидетельствует о том, что категория пространственного дейксиса в японском языке еще не вполне сформировалась как грамматическая. Это, однако, не отменяет наличия парадигматических отношений между *iku* и *kuru*. В зависимости от семантики смыслового глагола возможно выделение некоторых частных функций (способ перемещения, цель перемещения и др.), однако здесь я не буду останавливаться на этой проблеме.

2.2. Таксисная функция

Отношения между событиями и временем зачастую описываются при помощи метафоры перемещения [Fillmore 1971: 247ff]. Чарльз Филлмор предлагает две разновидности такой метафоры: в одной из них мир представляется статичным, а время «приходит» из будущего и «уходит» в прошлое; в другой метафоре, напротив, динамичен мир: участники «приходят» к точке отсчета из прошлого и «уходят» в будущее. Эти метафоры также известны под названиями TIME IS A MOVING OBJECT и TIME IS SPACE [Майсак 2005: 360–362]. Последняя метафора может быть проиллюстрирована функцией, которая в большинстве японоязычных работ, посвященных конструкциям с *iku* и *kuru*, описывается как *кэйдзоку-сё* (букв. ‘продолженный аспект’) [Hidaka 2018; Sumida 2011]. В работе [Soga 1983: 112] эти

³ Здесь и далее примеры из других работ при необходимости цитируются с незначительными изменениями и сокращениями. Если источник под примером не указывается, пример является сконструированным.

употребления *ventiva* и *andativa* обобщенно описываются как *continuation of process*. Однако попытка объединить данные употребления *iku* и *kuru* на базе единого аспектуального значения представляется не вполне обоснованной: первый показатель выражает значение, близкое к проспективу, в то время как второй — к перфекту. Вместе с тем необходимо отметить, что в обоих случаях вспомогательный глагол привносит значение длительности, к которому и апеллирует [Soga 1983] (см. также сноску 6).

- (2) а. *Ken-wa naganen kono shinbun-o*
 КЭН-ТОР **долгие.годы** этот газета-АСС
yon-de-k-ita
 читать-CVB-COME-PST
 ‘Кэн долгие годы читает эту газету’.
- б. *kare-wa korekara-mo ganbat-te-ik-u da-rō*
 он-ТОР **отныне-FP** стараться-CVB-GO-PRS COP-PMТ
 ‘Вероятно, он и впредь будет стараться’.
- (3) *ijir-are-kyara de i-te-k-ita*
 играть-PAСС-персонаж COP.CVB быть-CVB-COME-PST
 ‘(Для окружающих я) всегда был клоуном’.
- (4) *kare-wa tenkō-o nandomo kasane-te-k-ita*
 он-ТОР смена.школ-АСС много.раз повторять-CVB-COME-PST
 ‘Он неоднократно менял школы’.

Более перспективным представляется объединение этих употреблений *iku* и *kuru* на том основании, что в обоих случаях реализуется упомянутая выше метафора Филлмора TIME IS SPACE. *Iku* и *kuru*, употребленные в этой функции, могут сочетаться с процессуальными⁴ (2а–б), стативными (3) или итеративно-хабитуальными (4) предикатами [Sumida 2011: 65–67]. Выбор между *ventivom*

⁴ Для определения акционального класса я использовал критерий, предложенный в работе [Kindaichi 1950] via [Конума 2011: 71]: Х. Киндайти выделяет четыре типа глаголов на основании их сочетаемости с показателем инкомплетива *-i-*.

и андативом здесь зависит от того, как ситуация, обозначенная смысловым глаголом, соотносится с точкой отсчета: в случае предшествования используется *kuru* (субъект «приходит» из прошлого), а в случае следования — *iku* (субъект «уходит» в будущее). Поскольку точка отсчета, как правило, совпадает с моментом речи, *kuru* часто используется в форме прошедшего времени (2а), (3), (4)⁵, а *iku* — непрошедшего с показателями ирреальной модальности (например, показатель презумптива в (2б)). Однако встречаются и примеры, когда вентив выступает в форме инкомплетива непрошедшего времени (5а), а андатив — в форме комплетива прошедшего времени (5б).

(5) а. *musume-to dōtōni ai-sh-ite-k-ite-i-ru*
 дочь-СОМ так.же любовь-VRB-CVB-COME-CVB-INCM-PRS
 ‘(Я всегда) любил и продолжаю любить (ее), как собственную дочь’.

б. *sore-kara tantanto sagyō-o tsuzuke-te-it-ta*
 это-AVL спокойно работа-ACC продолжать-CVB-GO-PST
 ‘После этого (он) спокойно продолжил работу’. [BCCWJ]

Таким образом, здесь вентив и андатив выполняют **аспектуально-таксисную функцию**: с одной стороны, они указывают на длительность ситуации, обозначенной смысловым глаголом, а с другой — маркируют отношения предшествования и следования между этой ситуацией и точкой отсчета. Для краткости в дальнейшем изложении эта функция будет обозначаться как **таксис(ная)**⁶. Подобное

⁵ Эта привязка к моменту речи привносит перфектно-результативный оттенок значения: последствия ситуации, имевшей место в прошлом, существуют в момент речи [Плунгян 2011: 289–290]. Этот семантический компонент сближает конструкцию *V-te/de-k-ita* с английскими конструкциями *have / had been doing*, известными как Present / Past Perfect Continuous. Что касается референции к моменту в будущем, опрос носителей показал, что грамматическое значение, соответствующее английскому Future Perfect Continuous, не может выражаться при помощи вспомогательного глагола *kuru* в форме настоящего-будущего времени.

⁶ Следует признать, что такое понимание таксиса не вполне конвенционально: как правило, таксисными называются полипропозитивные конструкции,

«симметричное» использование имперфективных конструкций с вентивом и андативом «в целом характерно для алтайских языков» [Майсак 2005: 166, 200], с которыми японский обнаруживает по крайней мере типологическую общность.

По всей видимости, в данной функции (так же, как и в ориентивной) употребление вентива и андатива не является строго обязательным, однако наличие явных парадигматических отношений между ними говорит о становлении категории временного дейксиса в японском языке (ср. термин *deictic temporal relationship* в [Nakayama 2010]).

2.3. Глагольная множественность

В литературе выделяется по меньшей мере два типа глагольной множественности: множественность (повторяемость) самой ситуации и множественность участников ситуации [Плунгян 2011: 157–160; Mattioli 2009: 22–30]. Важно отметить, что второе всегда имплицитно подразумевает первое [Шлуинский 2005: 204], однако обратное неверно, поскольку ситуация может воспроизводиться одним и тем же участником (мультипликатив, итератив). В рассматриваемой функции *iku* маркирует второй тип множественности. Так, в примерах (6) и (7) повторяемость ситуации непосредственно обусловлена множественностью участников. При этом из основных значений глагольной множественности реализуется только дистрибутивное, но не итеративно-хабитуальное и не мультипликативное значения. Дистрибутивность, как правило, не заложена в семантику смыслового глагола, но может поддерживаться обстоятельствами кратности (*tsugitsugito* ‘один за другим’, *nandomo* ‘много раз’ и т. п.). Кроме того, вспомогательный глагол привносит

в которых различными грамматическими средствами маркируется временная локализация одной ситуации P_1 относительно другой ситуации P_2 [Храковский 2009: 20]. В данном же случае одна из ситуаций (точка отсчета) не получает синтаксического выражения.

значение постепенного накопления количества (ср. термин **градатив** в [Майсак 2005: 364]).

- (6) *yūjin-ga (tsugitsugito) shin-de-it-ta*
 друг-ном один.за.другим умирать-CVB-**GO**-PST

‘Друзья (один за другим) поумирали’.

- (7) *terorisuto-wa (tsugitsugito) zen'in-no*
 террорист-ТОР один.за.другим все-GEN

kubi-o kit-te-it-ta
 голова-ACC резать-CVB-**GO**-PST

‘Террорист(ы) (поочередно) поотрубал(и) всем головы’.

В качестве смысловых в этой функции могут выступать как непереходные, так и переходные предикаты, а значение постепенного накопления количества может распространяться как на субъект, так и на субъект и/или объект соответственно. Иными словами, семантика накопления количества требует множественности субъекта (6), (7), (9а) и/или объекта (7), (9а–б), при этом в первом случае действие должно выполняться несколькими субъектами не одновременно, а последовательно (8) [Nakayama 2010: 231].

- (8) **ōzei-no⁷ hito-ga dōjini suwat-te-ik-u*
 многие-GEN человек-NOM одновременно сесть-CVB-**GO**-PRS

Ожидаемое значение: ‘Множество людей одновременно садятся’. [Nakayama 2010: 231]

- (9) а. **hitori-no hito-ga onaji tsukue-o*
 один-GEN человек-NOM тот.же стол-ACC

nandomo tatai-te-ik-u
 много.раз стучать-CVB-**GO**-PRS

Ожидаемое значение: ‘Человек снова и снова стучит по столу’. [ibid.]

⁷ Поскольку японские существительные не обладают словоизменительной категорией числа, здесь значения единичности и множественности передаются перифрастически.

б. *kare-wa takusan-no tsukue-o tsugitusito*
 он-ТОП много-GEN стол-ACC поочередно

tatai-te-ik-u
 стучать-CVB-GO-PRS

‘Он поочередно стучит по столам’.

Таким образом, в этой функции дистрибутивность сочетается со значением мультисубъектности (6, 7) и/или мультиобъектности (7), (9б). Множественность же ситуации как таковая (*pluractionality stricto sensu* [Mattiola 2019: 22–25]), то есть не обусловленная множественностью участников, рассматриваемой конструкцией выражаться не может. С точки зрения типологии грамматикализация андативного глагола в показатель глагольной множественности не является редкостью: подобные пути развития зафиксированы в языках рапануи (австронезийские), юте (юто-ацтекские), брауи (дравидийские) и др. [Mattiola 2009: 156–157].

2.4. Инверсив

По всей видимости, первой работой, где обсуждалась функция *kuru*, о которой пойдет речь в этом разделе, является диссертация [Tokunaga 1986]. Автор рассматривает *kuru* наряду с другими глаголами как показатель «аффективного дейксиса» — “a new deictic category which indicates the speaker’s relationship with a particular participant NP in a sentence” [Tokunaga 1986: 7]. Как «инверсивная» эта функция впервые была описана в статье [Shibatani 2003], вслед за которой появилась обширная литература по этой теме: [Koga 2008; Sawada 2009; Shimizu 2010; Sumida 2011] и др. Среди прочих в [Shibatani 2003] обсуждаются следующие примеры.

(10) а. **Ken-ga boku-ni denwa-o sh-ita*
 КЭН-NOM я-DAT телефон-ACC VRB-PST

Ожидаемое значение: ‘Мне позвонил Кэн’. [Shibatani 2003: 274]

б. *Ken-ga boku-ni denwa-o sh-ite-k-ita*
 КЭН-НОМ я-ДАТ телефон-АСС VRB-CVB-COME-PST

‘Мне позвонил Кэн’. [ibid.]

в. **boku-wa Hanako-ni denwa-o sh-ite-it-ta*
 я-ТОР Ханако-ДАТ телефон-АСС VRB-CVB-GO-PST

Ожидаемое значение: ‘Я позвонил Ханако’. [Shibatani 2003: 275]

г. *boku-wa Hanako-ni denwa-o sh-ita*
 я-ТОР Ханако-ДАТ телефон-АСС VRB-PST

‘Я позвонил Ханако’. [Shibatani 2003: 274]

Согласно М. Сибатани, в (10б) представлена инверсивная конструкция, которая в обязательном⁸ порядке употребляется при нарушении следующей иерархии лиц: 1 > 2 > 3 (дейктический центр) > 3 (не дейктический центр). Данная иерархия обозначает степень легкости, с которой говорящий может ассоциировать себя с тем или иным участником: так, у второго лица больше шансов стать дейктическим центром, чем у третьего. Под нарушением имеется в виду такое распределение синтаксических ролей в клаузе, при котором лицо субъекта оказывается ниже в иерархии, чем лицо прямого или косвенного объекта (не всегда выраженного синтаксически). По мнению Сибатани, об обязательности этой категории свидетельствует неграмматичность предложений типа (10а)⁹. При этом *kuru* в данной функции

⁸ В [Koga 2008: 244] использование инверсива признается «почти обязательным», а среди контекстов, где оно факультативно, упоминаются подчиненная клауза и тетическое (коммуникативно-нерасчлененное) предложение [Алпатов и др. 2008: 44]. Вопрос об обязательности инверсива остается открытым и требует дальнейшего изучения.

⁹ Впрочем, сам автор отмечает, что эта обязательность характерна скорее для разговорного дискурса, участники которого являются заинтересованными сторонами, в то время как в письменной речи и стилизованных под нее устных нарративах повествователь может занимать беспристрастную позицию, в результате чего использование инверсива становится факультативным.

противопоставляется не *iku* (10в)¹⁰, а нулю: *sh-ø-ita* (VRB-DIR-PST) (10г). Таким образом, М. Сибатани усматривает в японском языке особую залоговую категорию, в которую входят две граммемы: маркированный инверсив (10б) и немаркированный прямой залог (10г). Уточним, однако, что это противопоставление не связано с меной дитезы и, следовательно, не входит в категорию залога в привычном смысле этого термина, о чем также свидетельствует сочетаемость показателей инверсива и пассива [Shimizu 2010: 61ff].

Кроме того, анализируемая здесь функция по ряду параметров существенно отличается от инверсивных систем, наблюдаемых в других языках (например, в равнинном кри > алгонкинская семья [Zúñiga 2006: 70–87]): так, многие авторы отмечают, что японская система, в отличие от чисто инверсивных, построена не столько на иерархии лиц, сколько на иерархии эмпатии [Nakayama 2010: 235], [Sawada 2009: 5].

- (10) д. *kimi-ga Tarō-ni bōru-o nage-te-k-ita*
 ты-NOM Таро-DAT мяч-ACC бросать-CVB-COME-PST
 ‘Ты бросил мяч Таро’. [Sawada 2009: 5]

В примере (10д) описывается ситуация, в которой второе лицо воздействует на третье, однако из-за того, что центр эмпатии (дейктический центр) совпадает с последним, здесь возможно употребление *kuru* в инверсивной функции.

Другим важным отличием японского инверсива от прототипического является возможность его употребления как в переходных, так и непереходных конструкциях, где дативная группа в позиции косвенного объекта не может быть выражена синтаксически.

- (10) е. *hen-na otoko-ga (*watashi-ni tonari-ni*
 странный-ATR мужчина-NOM я-DAT рядом-DAT

¹⁰ Вместе с тем предложение (10в) может рассматриваться как пример ориентивной функции андатива (ср. пример (1)). На то, что в (10б) не реализуется функция инхотатива, которая также не имеет эквивалента с *iku*, указывает агентивность субъекта, которая присуща именно инверсивной функции (см. следующий раздел).

suwat-te-k-ita

сесть-CVB-COME-PST

‘Странный мужчина уселся рядом (со мной)’. [ibid.]

Д. Савада отказывается от термина **инверсив** применительно к данной функции вентива и предлагает взамен понятие **направленности действия** как разновидности «психологического дейксиса». Содержание этого понятия автор определяет следующим образом: «в этом значении *kuru* указывает, что действие направлено в сторону сферы говорящего, при этом сам он не может выступать в качестве субъекта» [Sawada 2009: 5]. По тем же причинам К. Накаяма отказывается называть эту функцию *kuru* инверсивной, взамен предлагая термин **human interaction** [Nakayama 2010: 235]. Соглашаясь с замечаниями перечисленных авторов, я тем не менее буду и далее придерживаться термина **инверсив** как типологически более адекватного.

2.5. Инверсив vs инхоатив

У глагола *kuru* есть функция, которая тесно связана с инверсивной и которая в литературе чаще всего описывается как инхоативная [Shibatani 2003; Shimizu 2010]. Здесь и далее под этим термином понимается начало любой ситуации, выраженной глагольным корнем¹¹. К. Симидзу предполагает, что функции инхоатива и инверсива относятся к одному и тому же пути грамматикализации *kuru*, то есть связаны диахронически [Shimizu 2000: 58–61]¹². Рассмотрим следующие примеры.

¹¹ В типологической литературе иногда различаются значения инхоатива (начало процесса) и инцептива (начало состояния) [Плунгян 2011: 312]. Несмотря на то, что в рассматриваемой функции вентив, употребленный в форме прошедшего времени, маркирует наступление нового состояния, здесь и далее эта функция будет именоваться инхоативной.

¹² Впрочем, этот же автор предлагает и альтернативные пути грамматикализации инверсива (см. пример (18)).

- (11) а. **watashi-wa dandan Tarō-o*
 я-ТОР постепенно Таро-ACC
mihanash-ite-k-ita
 пренебрегать-CVB-COME-PST
 Ожидаемое значение: ‘Постепенно я стал(а) пренебрегать Таро’. [Shimizu 2010: 59]
- б. *Tarō-wa dandan watashi-ni*
 Таро-ТОР постепенно я-DAT
aki-te-k-ita
 терять интерес-CVB-COME-PST
 ‘Постепенно Таро начал терять ко мне интерес’. [Shimizu 2010: 60]
- в. *Taro-wa dandan watashi-o*
 Таро-ТОР постепенно я-ACC
mihanash-ite-k-ita
 пренебрегать-CVB-COME-PST
 ‘Постепенно Таро стал мной пренебрегать’. [Shimizu 2010: 59]

И в функции инверсива (10б), и в функции инхоатива (11б) действие метафорически осмысливается как движение в направлении участника, соответствующего дейктическому центру (в данном случае — говорящего), при этом последний не контролирует ситуацию. Именно поэтому в (11а) не может быть использован вентив: говорящий здесь является агенсом, воздействующим на третье лицо, то есть действие «отдаляется» от него. Различаются же эти функции тем, что в случае инхоатива говорящий только фиксирует новое событие в своем когнитивном поле, а в случае инверсива — воспринимает его как **намеренно** обращенное в свою сторону, что в свою очередь связано с агентивностью субъекта и (в прототипическом случае) переходностью предиката. В [Koga 2008: 252] это свойство инверсива описывается как *affectedness*, то есть «затронутость» дейктического центра агентивным субъектом. Так, пример (11б) может трактоваться только как инхоативный, поскольку предикат *akiru* ‘терять

интерес' является непереходным, а субъект — неагентивным: говорящий не воспринимает 'утрату интереса' как действие, намеренно обращенное в его сторону. Однако если в той же самой конструкции употребить контролируемый предикат *mihanasu* 'пренебрегать', станет возможной инверсивная интерпретация (11в).

Таким образом, инхоатив и инверсив различаются агентивностью субъекта: чем она больше, тем вероятнее инверсивное прочтение (при условии, что также нарушается иерархия эмпатии); чем меньше — тем больше вероятность инхоативной трактовки. Вопрос о гипотетической связи этих функций в диахронии будет подробнее обсуждаться в *Разделах 4 и 5*.

3. Экспериментальное исследование¹³

3.1. Диагностический тест

Как известно, с точки зрения морфологии грамматикализация единицы нередко проявляется в редукции ее парадигмы, то есть полной или частичной утрате словоизменительных форм. В японском языке глаголы образуют формы гоноратива и депрециатива так же регулярно, как формы времени или наклонения. Это позволяет рассматривать их как часть парадигмы, а соответствующую категорию — как грамматическую [Алпатов 1973: 6–14]. Обе формы образуются как при помощи супплетивных основ, так и при помощи ряда аффиксов.

Гонорифические формы вентива и андатива образуются при помощи суффикса *-(r)are-*. В [Оно 2000: 69] предполагается, что

¹³ В этом разделе описанные выше конструкции сравниваются по степени грамматикализованности в зависимости от выполняемых ими функций. Подобное сравнение проводилось в работах [Hidaka 2018; Sumida 2011] и отчасти [Shibatani 2007], при этом во всех случаях использовался метод интроспекции. Экспериментальное исследование такого рода проводится впервые.

они, наряду с другими словоизменительными формами, возможны при любых служебных употреблениях *iku* и *kuru*. Однако согласно [Hidaka 2018: 30], гонорификация служебных глаголов *iku* и *kuru* характерна лишь для менее грамматикализованных употреблений (*hashit-te-ik-are-ta* (побежать-СВВ-ГО-НОН-РСТ) ‘изволил(а/и) победить’), в то время как в более грамматикализованных гонорификации подвергается смысловой глагол (*fuyas-are-te-it-ta* (увеличить-НОН-СВВ-ГО-РСТ) ‘изволил(а/и) увеличить’) ¹⁴. Исходя из этого, можно предположить, что гонорификация *iku* или *kuru* будет оцениваться как более приемлемая в неграмматикализованных употреблениях, и как менее приемлемая — в грамматикализованных.

3.2. Дизайн эксперимента

В рамках настоящего эксперимента я стремился получить ответы на два вопроса:

- 1) Есть ли статистически значимые различия между функциями вентива и андатива с точки зрения приемлемости гонорификации; если да, то какие?
- 2) Есть ли такое различие между вентивом и андативом в рамках одной функции; если да, то какое?

Для ответа на второй вопрос вентив и андатив (там, где это было возможно) рассматривались отдельно в рамках каждой

¹⁴ В [Hidaka 2018] это явление объясняется реинтерпретацией конструкции *-te-iku / kuru* в непространственных употреблениях. Реинтерпретация же, по мнению Т. Хидака, свидетельствует о высоком уровне грамматикализации (ср., однако, сноску 22). В качестве диагностического теста в [Hidaka 2018] используется гонорифическая конструкция *o-V.inf-ni-nar: hashit-te-o-iki-ni-nat-ta* (run-СВВ-НОН-ГО.INF-DAT-become-PST) ‘изволил(а/и) победить’ vs *o-fuyashi-ni-nat-te-it-ta* (NON-increase.INF-DAT-become-СВВ-ГО-РСТ) ‘изволил(а/и) увеличить’.

функции. Таким образом, в каждом опросном листе содержалось 6 экспериментальных условий: ориентив (*iku* и *kuru*), таксис (*iku* и *kuru*), глагольная множественность (ГМ) (только *iku*), инверсив (только *kuru*).

Опрос проводился на платформе Google Forms среди носителей японского языка. Для того чтобы минимизировать влияние лексических факторов, каждая функция была представлена четырьмя предложениями для каждого показателя. Таким образом, в анкете содержалось 24 стимульных предложения. Всего было создано 6 опросных листов (по количеству условий) с различными вариантами лексического наполнения, расположенными методом латинского квадрата [Федорова 2008: 13–15].

Кроме того, в каждой анкете тестируемым было предложено по 24 отвлекающих предложения (филлера), которые делятся на 3 типа: однозначно неграмматичные (8), грамматичные (8) и неоднозначные (8). Помимо своих основных задач (отвлечение тестируемых от стимульного материала и контроль за правильным использованием ранговой шкалы), филлеры первого и второго типа (одинаковые во всех опросных листах) выполняли также дополнительную функцию: при их помощи проверялся уровень владения вежливым регистром. Следуя общепринятой практике [Федорова 2008: 12], я не учитывал ответы тестируемых, допустивших ошибки более чем в 15 % однозначных отвлекающих предложений, то есть в данном случае более чем в двух.

Таким образом, всего в опросном листе содержалось 48 предложений, при этом всем тестируемым они демонстрировались в разных последовательностях (рандомизация производилась автоматически). Тестируемые оценивали приемлемость стимулов по шкале Ликерта от 1 до 5, при этом, чтобы избежать ее деления респондентами на неравномерные интервалы, описания предлагались только для этих крайних значений (соответственно «неграмматично» и «грамматично») [Coward 1997: 70–71]. Перед заполнением анкеты респондентам предлагалось выполнить тренировочные задания.

Ниже приводится пример набора экспериментальных условий¹⁵.

- (12) *sensei-wa arui-te-ko-rare-mash-ita*
 учитель-ТОР идти.пешком-CVB-COME-HON-ADR-PST
 ‘Учитель пришел пешком’. (ориентив)
- (13) *Yamada-san-wa zutto hitoride iki-te-ik-are-ru*
 Ямада-Г-Н-ТОР все.время один жить-CVB-GO-HON-PRS
deshō
 РМТ
 ‘Г-н Ямада, наверное, так и будет все время жить один’.
 (таксис)
- (14) *kōchō-sensei-wa sotsugyō.shōsho-o tsugitsugito*
 директор.школы-учитель-ТОР диплом-ACC один.за.другим
watash-ite-ik-are-mash-ita
 вручать-CVB-GO-HON-ADR-PST
 ‘Директор школы вручал дипломы один за другим’. (глаголь-
 ная множественность)
- (15) *kesa sensei-ga watashi-ni denwa-o*
 сегодня.утром учитель-NOM я-DAT телефон-ACC
kake-te-ko-rare-mash-ita
 звонить-CVB-COME-HON-ADR-PST
 ‘Сегодня утром мне позвонил учитель’. (инверсив)

В эксперименте приняло участие 64 человека (26 мужчин и 38 женщин). Самому младшему участнику было 20 лет, самому старшему — 63 года. Стандартное отклонение от среднего возраста (29 лет) составило 11 лет. Из 64 участников не учитывались результаты четырех, совершивших более 15 % ошибок в однозначных филлерах¹⁶, одного, чья средняя оценка составляла 5, и одного, для ко-

¹⁵ С полным описанием анкет (на японском языке) можно ознакомиться по следующей ссылке: https://github.com/artemiyk83/iku-kuru/blob/master/Experiment_stimuli.xlsx.

¹⁶ Для однозначно грамматичных филлеров ошибочными считались оценки 1, 2 и 3, а для однозначно неграмматичных — 3, 4 и 5.

того японский язык не является родным. Таким образом, всего учитывалось 58 анкет.

3.3. Анализ результатов

В *Таблице 1* представлены средние арифметические значения оценок для каждой анкеты, а также общие значения по всем анкетам.

Таблица 1. Гонорификация *iku* и *kuru* при помощи суффикса *-(r)are-* в разных функциях: средние значения оценок приемлемости в 6 анкетах

Table 1. *-(r)are-* honorification of *iku* and *kuru* in various functions: mean values of acceptability judgements in 6 questionnaires

Номер анкеты	ориентив			таксис			ГМ	инв.
	<i>kuru</i>	<i>iku</i>	общ.	<i>kuru</i>	<i>iku</i>	общ.	<i>Iku</i>	<i>kuru</i>
1	3,9	4,2	4,0	4,2	3,9	4,0	4,1	3,2
2	3,8	3,7	3,7	4,3	3,5	3,9	3,6	2,9
3	4,2	3,7	3,9	4,7	3,9	4,3	3,8	3,4
4	3,8	3,8	3,8	3,8	3,7	3,7	3,6	2,9
5	3,6	3,9	3,8	4,3	4,0	4,1	3,7	3,1
6	4,6	3,6	4,1	3,8	3,5	3,6	3,1	2,6
Общее	4	3,8	3,9	4,1	3,8	3,9	3,6	3

Для ответа на вопросы, сформулированные в начале предыдущего раздела, использовались различные статистические методы. Рассмотрим каждый из них по порядку.

Для ответа на вопрос о том, есть ли статистически значимые различия между функциями в приемлемости гонорификации служебного глагола, использовался однофакторный тест ANOVA¹⁷.

¹⁷ Перед применением тестов ANOVA данные основного эксперимента были подвергнуты z-преобразованию для устранения эффекта, известного как scale

Тест показал наличие статистически значимых различий между функциями ($F(5,1386) = 29,44, p = 0,001$). Для выяснения того, какие именно функции различаются, был выполнен апостериорный анализ при помощи HSD-критерия Тьюки. Для расчетов использовалась компьютерная программа JASP [JASP Team 2020]. Результаты апостериорного анализа представлены в *Таблице 2*.

Таблица 2. Апостериорный анализ различий между функциями: средние оценки и размер эффекта d-Коэна

Table 2. Post-hoc analysis of differences between functions: mean values and d-Cohen effect

функции ср. оценки		таксис (<i>kuru</i>)	ориент. (<i>kuru</i>)	таксис (<i>iku</i>)	орент. (<i>iku</i>)	ГМ (<i>iku</i>)	инв. (<i>kuru</i>)
		4,1	4	3,8	3,8	3,6	3
таксис (<i>kuru</i>)	4,1	—					
ориент. (<i>kuru</i>)	4	-0,126	—				
таксис (<i>iku</i>)	3,8	-0,354	0,225	—			
орент. (<i>iku</i>)	3,8	-0,256	-0,136	0,076	—		
ГМ (<i>iku</i>)	3,6	-0,459	-0,322	-0,087	-0,161	—	
инв. (<i>kuru</i>)	3	1,007	0,870	0,645	0,690	0,584	—

Значимые различия ($p_{\text{tukey}} < 0,05$) выделены полужирным шрифтом
Significant differences ($p_{\text{tukey}} < 0,05$) are boldfaced

bias, то есть неравномерного использования шкалы Ликерта разными респондентами [Schütze, Sprouse 2013: 43]. С полными результатами эксперимента можно ознакомиться по ссылке: <https://github.com/artemiyk83/iku-kuru/blob/master/Experiment%20results%20FV.xlsx>.

Апостериорный анализ показал статистическую значимость различий между следующими парами функций (в порядке увеличения размера эффекта по d-Коэна): ГМ vs ориентив (*kuru*), таксис (*iku*) vs таксис (*kuru*), ГМ vs таксис (*kuru*), ГМ vs инверсив, таксис (*iku*) vs инверсив, ориентив (*iku*) vs инверсив, ориентив (*kuru*) vs инверсив, таксис (*kuru*) vs инверсив. Таким образом, инверсив в сочетании с гонорификатором демонстрирует наиболее низкие оценки приемлемости и значимо отличается от всех прочих функций. Гонорификация *iku* в функции глагольной множественности оценивается значимо хуже, чем в других употреблениях андатива. Наконец, гонорификация оценивалась значимо лучше в вентивном, нежели андативном варианте таксисной функции.

Для проверки гипотезы о влиянии типа служебного глагола в рамках ориентивной и таксисной функций¹⁸ был применен многофакторный тест ANOVA, который показал статистическую значимость различий между вентивом и андативом ($F(1,924) = 13,432, p < 0,001$) и отсутствие таковой между функциями ($F(1,924) = 0,083, p = 0,073$). Как в ориентивной, так и в таксисной функциях гонорификация *kuru* получила более высокие оценки, чем гонорификация *iku*, однако апостериорный анализ выявил, что значимым это различие было только в рамках таксисной функции ($p_{\text{tukey}} = 0,002$).

3.4. Обсуждение

Способность служебных *iku* и *kuru* маркировать грамматические значения, относящиеся к смысловому глаголу, описывается в [Оно 2000: 69–72] как «заместительное спряжение» (surrogate conjugation) и объясняется их «синтаксической декатегоризацией», то есть утратой собственно глагольных свойств¹⁹. Наряду с гонорифичностью

¹⁸ Здесь не учитывались функции глагольной множественности и инверсива, представленные только андативом и вентивом соответственно.

¹⁹ Так, словоформу *tazune-te-ko-na-katta* (посетить-CVB-COME-NEG-PST) можно интерпретировать только как ‘не посетил’, но не как ‘посетил и не пришел’.

рассматривается «заместительное спряжение» по таким категориям, как модальность, время, наклонение, адресивность, залог и отрицание. Однако в большинстве случаев объяснение этого явления в терминах декатегоризации представляется ошибочным.

Во-первых, в сНЯЯ категории модальности, времени, наклонения и адресивности являются финитными и в принципе не могут выражаться на глаголе в конвербной форме (вне зависимости от степени его декатегоризации). Более того, по оценкам информантов, в определенных случаях возможно «групповое оформление» пассива и инкомплетива. Во-вторых, как показывают результаты эксперимента, «заместительная» гонорификация неприемлема в грамматикализованных употреблениях *iku* и *kuru*, что в настоящем исследовании объясняется редукцией их парадигмы²⁰. Единственный случай «заместительного» спряжения, который, по всей видимости, связан с декатегоризацией, — это отрицание. Как было показано в [Hidaka 2018: 37], «заместительное» отрицание действительно более характерно для непространственных употреблений *iku* и *kuru*²¹. Тот факт, что из всех морфологических операций, названных в [Ono 2000] «заместительными», с грамматикализацией связаны только гонорификация и отрицание (при этом последнее уже было исследовано в [Hidaka 2018]), во многом обусловил выбор гонорификации суффиксом *-(r)are-* в качестве диагностического теста для настоящего эксперимента.

Результаты эксперимента показали высокую приемлемость гонорификации *iku* и *kuru* в ориентивной и таксисной функциях, что, как

²⁰ В частности, это говорит о том, что некоторые параметры грамматикализации (в данном случае декатегоризация и редукция парадигмы) могут вступать в противоречие друг с другом.

²¹ Заметим, однако, что Т. Хидака объясняет это реинтерпретацией конструкций *V-te/de-ik-* и *V-te/de-k-*, что, по его мнению, свидетельствует об их грамматикализации. Тем не менее объяснение грамматикализации через декатегоризацию показателя представляется более аргументированным: как было показано в [Haspelmath 1998], реинтерпретация не является ни обязательным, ни достаточным условием грамматикализации.

представляется, свидетельствует о низкой степени их грамматикализации. Несмотря на то, что гонорификация *kuru* была оценена как более приемлемая в таксисной, нежели ориентивной функции, апостериорный анализ показал, что это различие статистически незначимо. Согласно результатам более ранних исследований, наименьшую степень грамматикализованности *iku* и *kuru* проявляют в ориентивной функции [Hidaka 2018: 37; Sumida 2011: 112–113] (см. ниже). Далее я буду рассматривать только непространственные функции.

Наиболее грамматикализованными типами употребления *iku* и *kuru* следует считать функции глагольной множественности и инверсива соответственно. При этом инверсивное употребление является наиболее грамматикализованным из всех рассмотренных. Результаты эксперимента представлены в виде континуума на Рис. 1.

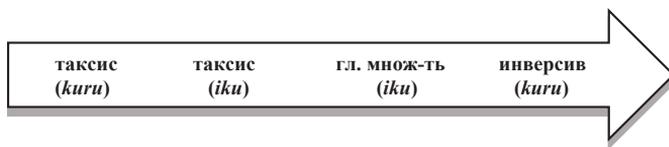

Рис. 1. Степень грамматикализованности конструкций в разных функциях в сНЯЯ
 Fig. 1. Degree of grammaticalization of the two cNJ constructions in various functions

Эти результаты во многом совпадают с теми, которые были интроспективно получены в [Hidaka 2018: 37] на основе другого морфосинтаксического теста. Т. Хидака оценивал приемлемость показателей отрицания, которые, следуя за служебными *iku* и *kuru*, семантически относились к смысловому глаголу. Предполагалось, что подобная декатегоризация служебного глагола свидетельствует о его грамматикализации. Практически идентичный грамматикализационный континуум для вентива представлен в диссертации [Sumida 2011: 112–113], автор которой сравнивает различные функции по тому, насколько в них сохраняются три семантических компонента, входящие в состав полнозначного глагола *kuru*: перемещение, процессуальность, центростремительный дейксис. Так, если в таксисном употреблении вентива отсутствует только значение перемещения, то в инверсиве

десемантизации подвергается также процессуальность. Центростремительный же компонент значения сохраняется во всех функциях.

Таким образом, результаты всех исследований, включая настоящее, сходятся в том, что вентив проявляет наибольшую степень грамматикализации в функции инверсива и наименьшую — в таксисной функции.

4. Диахронический анализ корпусных данных

4.1. Диахроническая гипотеза

Возвращаясь к диахронической гипотезе, изложенной в *Разделе I* («функции, в которых конструкции обнаруживают наибольшую степень грамматикализации, развились в языке позже тех, в которых степень грамматикализации ниже»), можно предположить, что наиболее «молодой» из всех функций вообще и вентивных в частности является инверсивная, в то время как наиболее «старой» из непространственных — таксис (*kuru*). Наиболее же «молодой» из функций андатива, но вместе с тем более «старой», чем инверсивная, должна оказаться функция глагольной множественности. Эта гипотеза была проверена путем диахронического анализа на материале данных корпуса [СНЈ].

4.2. Древнеяпонский язык (700–800 гг.)

Прежде чем перейти к анализу конструкций с вентивом и андативом в ДЯЯ, необходимо сделать ряд замечаний, касающихся морфологии этих глаголов. На древнем этапе развития японского языка они представлены корнями *-k-* (*-ko-* — основа ирреалиса или, в японской терминологии, мидзэнкэй) и *-yuk-*, соответственно. Их словарные формы соответствуют формам индикатива непрошедшего времени и выглядят как *ku* и *yuki*. Эти глаголы могут выступать как полнозначные или служебные, при этом в последнем случае они

сопоставимы по степени грамматикализованности с показателями реципрока *-ap-* (< ‘встречаться’) и потенциалиса *-e-* (< ‘получать’) [Frellesvig 2010: 52].

По всей видимости, высокая степень грамматикализованности проявляется и в их способности присоединять два вида перфективаторов — *-te-* и *-(i)n-*: обычно первый используется с переходными и непереходными контролируемыми предикатами, в то время как второй — только с непереходными неконтролируемыми. Поскольку и вентив, и андатив являются непереходными контролируемыми глаголами, по вышеописанному правилу они должны сочетаться только с перфективатором *-(i)n-*, однако в действительности они могут присоединять и *-te-*. Такое распределение объясняется тем, что выбор перфективатора зависит от переходности и контролируемости не служебного, а смыслового глагола, к которому служебный примыкает [Frellesvig 2010: 67]. Вероятно, это явление в ДЯЯ может описываться в терминах «заместительного спряжения» и декатегоризации (см. выше).

В отличие от сНЯЯ, в ДЯЯ служебные вентив и андатив в основном примыкают к инфинитиву смыслового глагола (INF), называемому в японской грамматике **соединительной формой** (рэньёкэй). Как и конвербная форма на *-te* в сНЯЯ, инфинитив выполняет две функции: с одной стороны, он используется в качестве средства межклаузуальной связи, с другой — присоединяет служебные глаголы. Кроме того, он используется для образования именных и глагольных композитов.

Однако уже на этом этапе развития японского языка вентив и андатив могут в ряде случаев примыкать и к конвербной форме на *-te*, которая в ДЯЯ является средством неспециализированной подчинительной связи [Frellesvig 2010: 57]. Этот показатель восходит к вышеупомянутому перфективатору *-te-* и в ДЯЯ, по всей видимости, еще сохраняет свою аспектуальную семантику [Сиранэ 2017: 210–211]. В качестве формы, присоединяющей служебные глаголы, конвербная форма на *-te* стала активно использоваться только в СЯЯ.

Единственное известное мне исследование функций вентива и андатива в ДЯЯ — [Inoue 1962]. Оно проводилось на материале крупнейшего памятника японской литературы этого периода — поэтической

антологии «Манъёсю», включающей свыше 2500 песен, бóльшая часть которых датируется периодом с 600 по 759 гг.; составителем антологии большинство исследователей признают Отомо-но Якамоти (ок. 718–785). В этой работе упоминается 201 вхождение, содержащее вентив и/или андатов в сочетании с инфинитивной формой, при этом аспектуальные и пространственные употребления поделены примерно поровну²². Однако поисковый запрос, произведенный мной в историческом корпусе [СНЈ] для того же памятника, дал 422 результата (135 с андатовом и 287 с вентивом)²³: такая разница объясняется тем, что не все употребления *ku* и *yuku* с инфинитивной формой глаголов рассматривались Х. Иноуэ как служебные, однако метод поиска и критерии отбора автором не эксплицируются. В классификации Иноуэ есть градатив («постепенное накопление признака»), инхоатив («возникновение ситуации»), таксис («продолжительное развитие ситуации»), результатив («сохранение результата»), ориентив («поступательное или сопутствующее перемещение»), но нет инверсива и глагольной множественности [Иноуэ 1962: 32].

Дополнительный поиск²⁴ в корпусе [СНЈ] дал только такие вхождения, которые не могут считаться прототипическими примерами инверсива (ср. пример (10б)), поскольку в них инверсивная семантика неотделима от семантики перемещения.

- (16) *tukwikusa-no/ uturopi-yasu-ku/ omope kamo/*
 коммелина-GEN меняться.INF-простой-INF думать.EXCL Q
wa-ga otop-u pito-no/ koto-mo
 я-GEN думать-ATR любимый-GEN слова-FOC

²² В [Иноуэ 1962] все функции рассматриваются как общие для вентива и андativa.

²³ Поисковый запрос был сформулирован следующим образом: V. inf + *yuku* OR *ku* (служебные глаголы задавались как лексемы).

²⁴ Дополнительный поисковый запрос был сформулирован следующим образом: V. inf (в пределах 2 единиц до ключевого слова) + *ku* OR *kuru* (лексема; ключевое слово). В качестве смысловых глаголов (V) были заданы те, которые в [Накаюма 2010: 236] перечисляются как наиболее частотные в инверсивной конструкции.

tuge-ko-nu

говорить.INF-COME-NEG

‘Ужель любовь так быстро увядает,/ Как лунная трава-цукигуса?!
От друга моего, О ком тоски полна,/ **И слова до меня не доле-
тают!**’ (досл. ‘⟨...⟩ мой возлюбленный, о ком тоскую, **не при-
ходит сказать мне слово**’.) («Манъёсю», кн. 4, песня 583)²⁵

- (17) *wa-ga sekwo-pa/ saki-ku imasu to/*
я-GEN любимый-ТОР здоровый-INF быть COMP

karu-ri-ku to/
вернуться.INF-COME COMP

ware-ni tuge-ko-m-u/
я-DAT говорить.INF-COME-EMD-ATR

pito-mo ko-nu kamo
человек-FOC **приходить**-NEG Q

‘О, пусть бы человек **пришел**/ И, возвратясь из странствия, **Ска-
зал мне**:/ «Твой милый жив и счастлив он...»’ (досл. ‘Неужто
не **придет** ко мне человек, который **скажет (мне)**, что мой воз-
любленный жив и вернется’.) («Манъёсю», кн. 11, песня 2384)

В обоих примерах в качестве смыслового выступает глагол *tugu* ‘сообщать, говорить’ (ср. сНЯЯ *tsugeru*). В случае (16), несомненно, предполагается перемещение субъекта, поскольку оборот *koto-wo tugu* ‘говорить слова’ может быть истолкован только как ситуация устной коммуникации, а не переписки (в художественном переводе эта семантика не эксплицирована). Возможно, этот пример является промежуточным этапом пути грамматикализации инверсива, который в [Shimizu 2010: 55–58] был определен как «перемещение О-участника²⁶ > направленность коммуникативного акта» и может

²⁵ Здесь и далее приводятся художественные переводы, выполненные А. Е. Глускиной [Манъёсю 1971]. Для записи оригинального текста я использую транскрипцию, принятую в [Frellesvig 2010]. Для удобства в нерелевантных случаях морфемное членение частично упрощено.

²⁶ Под О-участником здесь понимается прямое дополнение *koto* ‘слова’, то есть сообщение, которое «перемещается» (пусть и не вполне прототипически) в направлении дейктического центра.

быть проиллюстрирован примером (18) из сНЯЯ. Здесь имеет место метафорическое расширение «передача объекта > передача сообщения», также известное из работы [Reddy 1979] как *conduit metaphor*.

- (18) *Tarō-ga (watashi-ni) tegami-o okut-te-k-ita*
 Таро-НОМ я-ДАТ письмо-АСС посылать-CVB-COME-PST
 ‘Таро прислал (мне) письмо’. [Shimizu 2010: 55]

В примере (17) глагол *ku* встречается один раз как полнозначный (*rito-mo ko-nu* ‘человек не придет’) и дважды — как служебный (*karu-eri-ku* ‘вернется’ и *tuge-ko-m-u* ‘скажет мне’). Здесь, как и в примере (16), статус *ku* в цепочке *tuge-ko-* (сказать-COME-) носит промежуточный характер с точки зрения грамматикализации, однако принципиальное отличие этого примера заключается в том, что семантика перемещения того же самого субъекта здесь выражена полнозначным глаголом (*rito-mo ko-nu*). Таким образом, в цепочке *tsuge-ko-m-u* вентив, не утрачивая пространственного значения, в первую очередь указывает на направленность коммуникативного акта, выраженного смысловым глаголом. Это может служить косвенным свидетельством того, что инверсив начал развиваться уже в ДЯЯ, однако прототипических реализаций этой функции в «Манъёсю» не зафиксировано.

4.3. Классический японский язык (800–1200 гг.)

Существенных различий между парадигмами *uuki* и *ku* в ДЯЯ и КЯЯ не наблюдается. Единственное грамматическое изменение, косвенно затронувшее вентив и андатив, заключается в дальнейшей грамматикализации перфективатора *-te-*, которая проявляется в его расширенной дистрибуции: теперь в качестве средства биклаузуальной связи он может сочетаться с любыми глаголами вне зависимости от их переходности и контролируемости (см. выше о перфективаторах в ДЯЯ) [Frellesvig 2010: 240]. По всей видимости, это изменение обострило конкуренцию с инфинитивной формой смыслового глагола и, как уже упоминалось, привело к тому, что в качестве формы,

присоединяющей служебные глаголы, в СЯЯ стала использоваться преимущественно форма на *-te*.

Ранее исследование функций *yuku* и *ku* в КЯЯ уже проводилось в работе [Kojima 1998] на материале романа «Гэндзи-моногатари», который был написан в начале XI в. придворной дамой Мурасаки Сикибу. В этом памятнике встречаются стихотворные фрагменты, но несравненно бóльшая часть текста написана прозой. Классификация функций у С. Кодзима во многом похожа на ту, которая была предложена Х. Иноуэ для «Манъёсю», однако этот автор рассматривает вентив и андатив по отдельности. В классификации Кодзима также не упоминаются функции инверсива и глагольной множественности. Однако более детальный анализ показывает, что инверсивные употребления в «Гэндзи-моногатари» все же встречаются.

- (19) *onodukara kakar-u madusi-ki atari to*
 естественно быть.таким-ATR бедный-ATR дом COMP
otopi anadur-ite ipi-k-uru
 думать.INF презирать-CVВ говорить.INF-COME-ATR

‘(...) и, конечно же, полагая, что это бедный дом, (они) **разговаривали (с фрейлинами) пренебрежительно** (...)’ («Гэндзи-моногатари», гл. 15 «В зарослях полыни», дан 2)

Во фрагменте, непосредственно предшествующем этому предложению, описывается, как в полузаброшенный дом дочери принца Хитати **приходят** люди, чтобы узнать, не продается ли хранящаяся в нем утварь. Таким образом, интерпретация *ku* как ориентива (‘говоря, приходили’) маловероятна, поскольку в левом контексте уже содержится информация о том, что субъект достиг того места, где происходит диалог. Также в пользу инверсивной (а не, например, инхоативной) трактовки говорит и непосредственная «затронутость» (affectedness, см. *Раздел 2.4.2*) дейктического центра (в данном случае — фрейлин принцессы): люди разговаривают с ними «пренебрежительно», что способствует восприятию действия как намеренно обращенного в сторону дейктического центра. Тем не менее, как и в примерах (16) и (17) из «Манъёсю», здесь невозможно исключить вероятность ориентивной интерпретации.

Более убедительный случай инверсивного употребления, обнаруженный нами в корпусе [СНЈ], встречается в поэтической антологии «Кокинвакасю», которая была составлена в 914 г.²⁷

- (20) *makura-yori/ ato-yori kopi-no/*
 изголовье-ABL изножье-ABL любовь-NOM
seme-k-ureba/ se-m-u kata
 напасть-COME-COND делать-EMD-ATR способ
na-mi zo/ toko-naka-ni or-u
 отсутствующий-NML FOC кровать-внутри-LOC быть-ATR

‘Подступает ко мне,/ в головах и в ногах угнездившись,/ душу травит любовь —/ и нигде на просторном ложе/ не найти от нее спасенья...’²⁸ («Кокинвакасю», песня 1023)

Поскольку субъектом предиката *seme-k-ureba* ‘когда нападает’ является абстрактное существительное *kopi* ‘любовь’, физическое перемещение здесь маловероятно. Как обсуждалось в Разделе 2.4.2, характерной чертой инверсива является семантическая близость с функцией инхоатива. Согласно К. Симидзу, инверсивная функция реализуется в том случае, если а) нарушается иерархия эмпатии, и б) субъект смыслового глагола агентивен. Инхоативная же интерпретация возникает в том случае, если смысловой глагол неконтролируем, а его субъект пациентивен. На первый взгляд, абстрактность субъекта в примере (20) говорит о его слабой агентивности и таким образом поддерживает инхоативную трактовку. Однако сам предикат *se-m-u* ‘атаковать’ указывает на персонификацию этого субъекта и, как следствие, его агентивность.

Можно предположить, что мы имеем дело с пограничным случаем грамматикализационного развития, в котором инхоативный

²⁷ Стоит, однако, заметить, что наиболее ранняя из дошедших до нас рукописей датируется началом XII в., что соответствует позднему этапу развития КЯЯ.

²⁸ Перевод А. А. Долина приводится по изданию [Кокинвакасю 2001]. Показательно, что это стихотворение неоднократно цитировалось в более поздних памятниках, среди которых пьеса кёгэн из собрания «Тораакிரабон-кегэнсю» (1642), а также пьеса дзёрури «Югири-ава-наруто» (1712) Тикамацу Мондзаэмона.

показатель приобретает инверсивное значение путем метафорического расширения: неодушевленный и, следовательно, неагентивный субъект становится агентивным посредством персонификации. И хотя такой сценарий противоречит общепринятому мнению о том, что при грамматикализации «сочетаемость дейктических ориентивов расширяется на **неагентивные** глаголы» [Конуна 2014: 778]²⁹, диахронически именно он представляется более реалистичным: как было показано в [Inoue 1962: 32], примеры инхоативного употребления (в отличие от инверсивного) встречаются уже в ДЯЯ.

- (21) *Sagamune-no/ wo-mine mi-kakusi/*
 Сагамунэ-GEN DIM-пик видеть.INF-прятать
wasure-k-uru/ imo-ga na uwobi-te/
 забывать.INF-COME-ATR любимая-GEN имя звать-CVB
a-wo ne si naku-na
 я-ACC звук RP заставлять.плакать-PRON

‘У горы Сагамунэ/ Не видать теперь уже вершин./ Имя милой, что я **начал забывать**,/ Называя,/ Не заставь меня рыдать!’
 («Манъёсю», кн. 14, песня 3362)

В примере (21) вентив маркирует вхождение в состояние, что весьма точно отображено в художественном переводе — ‘начал забывать’. Таким образом, гипотеза К. Симидзу о том, что инверсивная функция развилась из инхоативной, подтверждается корпусными данными.

4.4. Новояпонский язык (1600–2020 гг.)

В историческом корпусе [СНЈ], включающем памятники с 759 («Манъёсю») по 1947 гг., встречается 6 вхождений, которые можно однозначно трактовать как примеры функции глагольной

²⁹ Ср. также грамматикализацию конструкции *be going to*, которая сопровождается именно таким расширением дистрибуции: *I am going to die* ‘Я скоро умру’.

множественности³⁰. Самое раннее из них — фрагмент из женского просветительского журнала «Дзёгаку Дзасси» за 1895 г.

- (22) *ko-no bunshō na-ki shinbunshi-wa*
 этот-ATR текст нет-ATR газета-TOP
kakki na-shi zokuzoku-toshite horobi-yuk-u
 живость нет-FIN один.за.одним-ADV гибнуть-INF-GO-PRS

‘В газетах, где не печатаются такие тексты, нет жизни. Они вымирают одна за одной’. [СНЈ]

Несмотря на то, что язык этого весьма прогрессивного журнала во многом еще сохраняет архаичные черты, присущие КЯЯ (в частности, этим обусловлено употребление инфинитивной, а не конвербной формы смыслового глагола), употребление андатива в функции глагольной множественности безусловно отражает влияние современной устной речи. Примечательно, что как раз в середине 1880-х гг. в Японии возникло движение за унификацию письменного и устного языка, известное как *гэмбун-итти*. Его сторонники добились того, что начиная с 1920-х гг. большинство текстов, за исключением официальных документов и научной литературы, стали писаться на языке, отражающем грамматику и словарь современной устной речи [Frellesvig 2010: 380]. Вероятно, этим и объясняется тот факт, что оставшиеся 5 примеров встречаются в просветительских журналах за 1925 г. (2 примера) и школьных учебниках за 1945 г. (3 примера).

4.5. Результаты диахронического анализа

Таким образом, наиболее «старыми» функциями *iku* и *kuru* являются ориентивная и таксисная: они фиксируются уже в ДЯЯ. Первые

³⁰ Поисковый запрос был сформулирован следующим образом: *ichi_ichi_* OR *tsugitsugi* OR *junban* OR *zokuzoku* (на расстоянии до 7 единиц от ключевого слова) + *V. inf* (на расстоянии до 2 единиц до ключевого слова) + *iku* OR *yuku* (лексема, ключевое слово). Все перечисленные наречия имеют значения ‘один за одним; поочередно’ и приводятся в [Nakayama 2010: 229–231] как наиболее частотные для конструкции со значением глагольной множественности.

примеры инверсива встречаются в КЯЯ, что делает эту функцию наиболее «молодой» из вентивных. Наиболее же «молодой» из всех рассмотренных является функция глагольной множественности, которая впервые фиксируется в тексте 1895 г., то есть в раннем ново-японском языке (рНЯЯ). Результаты диахронического анализа представлены на *Рис. 2*.

Рис. 2. Диахронический порядок появления функций в корпусе

Fig. 2. The diachronic order in which usage types appear in the corpus

5. Выводы и обобщения

Диахроническая гипотеза подтверждается эмпирически в рамках вентива и андатива как отдельно взятых показателей. Инверсив, являясь наиболее грамматикализованной функцией вентива, фиксируется в языке позже, чем таксис (*kuru*). С другой стороны, функция глагольной множественности, которая по результатам эксперимента показала относительно высокую степень грамматикализованности, фиксируется позже, чем таксис (*iku*).

Однако диахроническая гипотеза не подтверждается при объединении андатива и вентива в общую категорию. Инверсив, по результатам эксперимента оказавшийся наиболее грамматикализованным типом употребления среди всех рассмотренных, тем не менее фиксируется раньше, чем функция глагольной множественности. Относительно вентивного и андативного вариантов таксисной функции невозможно сделать вывод об истинности диахронической гипотезы, поскольку и тот и другой встречаются уже в антологии

«Манъёсю» — одним из старейших памятников японского языка, дошедших до наших дней.

Ложность гипотезы при объединении вентива и андатива в одну категорию свидетельствует о том, что изучаемые глаголы грамматикализовались независимо друг от друга, несмотря на то что в сНЯЯ они традиционно представляются как члены грамматической оппозиции (например, в ориентивной и таксисной функциях). Сопоставление результатов эксперимента и диахронического анализа представлено на Рис. 3³¹.

Рис. 3. Степень грамматикализованности конструкций в разных употреблениях на современном этапе (1) и хронологический порядок, в котором эти употребления фиксируются в корпусе (2)

Fig. 3. Degree of grammaticalization of the two cNJ constructions in various usage types (1) compared to the diachronic order in which these usages appear in the corpus (2)

Еще одно наблюдение касается функций инхоатива и инверсива. Диахронический анализ показал, что в текстах на ДЯЯ только первая из них встречается в прототипической реализации, однако уже в памятниках на КЯЯ фиксируются обе. Тесная семантическая связь между ними дает основания полагать, что инверсив является

³¹ Инхоатив, который фиксируется уже в ДЯЯ (см. пример (21)), не представлен на рисунке по той причине, что эта функция не рассматривалась в рамках эксперимента из-за технических ограничений.

производным от инхоатива. Грамматикализация конструкций с вентивом в показатели инхоатива типологически распространена: так, подобные сценарии развития зафиксированы в иберо-романских, тюркских, океанийских, германских, финском языках, а также в нигерийском пиджине, языке гусии и др. [Майсак 2005: 205–209; Heine, Kuteva 2004: 74–75]. Однако ни в одном из этих случаев не зафиксирован такой путь грамматикализации, при котором вентив сначала использовался бы в качестве инверсивного показателя и только затем, с утратой агентивности субъектом, развился в инхоативный. Таким образом, типологические данные не содержат указаний в пользу того, что путь от вентива к инхоативу может пролегать через инверсив. Это служит дополнительным аргументом в пользу сценария, согласно которому в японском инверсивная функция *kuru* развилась из инхоативной, а не наоборот. Тем не менее невозможно исключить и альтернативные пути грамматикализации, при которых инверсив развился из ориентива (см. пример (18)) или метафорических употреблений полнозначного *kuru* [Кузнецов 2020: 20–21, 49–53]. В таком случае пересечение с функцией инхоатива может объясняться не более чем общностью лексического источника, давшего два разных пути грамматикализации.

По результатам исследования можно сделать вывод о том, что грамматикализованность отдельно взятых единиц в синхронии, измеренная количественно, отражает закономерности их исторического развития, однако наличие парадигматических отношений между этими единицами в синхронии не означает параллелизма в их диахронической грамматикализации.

Список условных сокращений

Поморфемная нотация. ABL — аблатив; ACC — аккузатив; ADR — адресив; ADV — адвербиальная форма; ALL — аллатив; ATR — атрибутивная форма; COM — комитатив; COME — вентив; COMP — комплементаризер; COND — условно-временной показатель; COP — копула; CVB — конвербная форма; DAT — датив; DIM — диминутив; DIR — прямой залог; EMD — показатель эпистемической модальности; EXCL — восклицательная форма (идзэнкэй); FIN — заключительная

форма; FOC — фокусная частица; GEN — генитив; GO — андатив; HON — гоноратив; INCM — инкомплетив; INF — инфинитивная форма; LOC — локатив; NEG — отрицание; NML — субстантиватор; NOM — номинатив; PASS — пассив; PL — множественное число; PMT — презумптив; PRON — прохибитив; PRS — непрошедшее время; PST — прошедшее время; Q — вопросительная частица; RP — ограничительная частица; TOP — топик; VRB — вербализатор.

Языки. ДЯЯ — древнеяпонский язык; КЯЯ — классический японский язык; (р/с)НЯЯ — (ранний / современный) новояпонский язык; СЯЯ — средневековый японский язык.

Корпуса. BCCWJ — Balanced Corpus of Contemporary Written Japanese; CHJ — Corpus of Historical Japanese.

Литература

- Алпатов 1973 — В. М. Алпатов. Категории вежливости в современном японском языке. М.: Наука, 1973.
- Алпатов и др. 2008 — В. М. Алпатов, П. М. Аркадьев, В. И. Подлесская. Теоретическая грамматика японского языка. Т. 2. М.: Наталис, 2008.
- Конума 2011 — Ю. Конума. Понятие суперлексемы и аспектуальная характеристика японского глагола // Вопросы языкознания. 2011. № 4. С. 67–89.
- Конума 2014 — Ю. Конума. Дейктические ориентиры как ограничители в системе японского глагольного аспекта // Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований. 2014. Т. X. Ч. 1. С. 775–780.
- Кузнецов 2020 — А. А. Кузнецов. Грамматикализация глаголов движения в японском языке. Выпускная квалификационная работа. СПб.: СПбГУ, 2020.
- Майсак 2005 — Т. А. Майсак. Типология грамматикализации конструкций с глаголами движения и глаголами позиции. М.: Языки славянских культур, 2005.
- Плунгян 2011 — В. А. Плунгян. Введение в грамматическую семантику. Грамматические значения и грамматические системы языков мира. М.: РГГУ, 2011.
- Сиранэ 2017 — Х. Сиранэ. Классический японский язык: грамматика // А. Г. Фесюн (пер. с англ. под науч. ред.). М.: Издательский дом ВШЭ, 2017.
- Федорова 2008 — О. В. Федорова. Основы экспериментальной психолингвистики. Принципы организации эксперимента. М.: Спутник, 2008.
- Храковский 2009 — В. С. Храковский. Таксис: семантика, синтаксис, типология // В. С. Храковский (ред.). Типология таксисных конструкций. М.: Знак, 2009. С. 11–113.
- Шлуинский 2005 — А. Б. Шлуинский. Типология предикатной множественности: количественные аспектуальные значения. Дисс. ... канд. филол. наук. М.: МГУ, 2005.

- Cowart 1997 — W. Cowart. *Experimental Syntax. Applying Objective Methods to Sentence Judgments*. Thousand Oaks; London; New Delhi: Sage Publications, 1997.
- Fillmore 1971 — C. J. Fillmore. *Santa Cruz lectures on deixis*. Indiana: Indiana University Linguistics Club, 1971.
- Frellesvig 2010 — B. A. Frellesvig. *History of the Japanese language*. New York: Cambridge University Press, 2010.
- Hasegawa 1993 — Y. Hasegawa. *Prototype Semantics: A case study of te K-/IK- constructions in Japanese // Language & Communication*. 1993. Vol. 13 (1). P. 45–65.
- Haspelmath 1998 — M. Haspelmath. *Does grammaticalization need reanalysis? // Studies in language*. 1998. Vol. 22 (2). P. 315–352.
- Heine, Kuteva 2002 — B. Heine, T. Kuteva. *World Lexicon of Grammaticalization*. Cambridge: Cambridge University Press, 2002.
- Hidaka 2018 — T. Hidaka. *V-te-iku/V-te-kuru-no tagisei to tōgo* [Polysemy and Syntax of *V-teik* and *V-tek*] // *Theoretical and applied linguistics at Kobe Shoin: Talks*. 2000. № 21. P. 23–40.
- Inoue 1962 — H. Inoue. *Dōshi-no setsujika: manyōshū-no “yuku” to “ku”* [Grammaticalization of verbs into affixes: the case of *yuku* and *ku* in *Manyōshū*] // *Manyō*. 1962. № 43. P. 27–37.
- Koga 2008 — H. Koga. *“Te-kuru”-no voisu-ni kanren-suru kinō* [Voice-related functions of *te-kuru*] // Y. Mori, M. Komeyama, Y. Nishimura (eds.). *Kotoba-no dain-amizumu*. Tokyo: Kuroshio Shuppan, 2008. P. 241–257.
- Kojima 1998 — S. Kojima. *“Yuku” to “ku”*: *Genji-monogatari-ni okeru yōhō* [Functions of *yuku* and *ku* in the Tale of Genji] // [Anon.] (eds.). *Tōkyō daigaku kokugo kenkyūshitsu sōsetsu hyakushūnen kinen kokugo kenkyūron-shū*. Tokyo: Kyūko Shoin, 1998. P. 325–344.
- Mattiola 2019 — S. Mattiola. *Typology of Pluractional Constructions in the Languages of the World*. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 2019.
- Nakayama 2010 — K. Nakayama. *Nihongo-no dōshi “iku/kuru”-no tagisei-no kijutsu: hondōshi-kara hojodōshi-e* [A Descriptive Study on the Polysemous Words ‘*iku* (to go)’ and ‘*kuru* (to come)’ in Modern Japanese]. PhD Thesis. Tokyo: Tokyo University of Foreign Studies, 2010.
- Ono 2000 — K. Ono. *Grammaticalization of Japanese Verbals // Australian Journal of Linguistics*. 2000. Vol. 20 (1). P. 39–79.
- Reddy 1979 — M. Reddy. *The Conduit Metaphor // A. Ortony (ed.). Metaphor and thought*. Cambridge: Cambridge University Press, 1979. P. 284–324.
- Schütze, Sprouse 2013 — C. T. Schütze, J. Sprouse. *Judgement data // R. J. Podesva, D. Sharma (eds.). Research Methods in Linguistics*. Cambridge: Cambridge University Press, 2013. P. 27–51.

- Shibatani 2003 — M. Shibatani. Directional Verbs in Japanese // E. Shay, U. Seibert (eds.). Motion, Direction and Location in Languages: In Honor of Zygmunt Frajzyngier. Amsterdam: John Benjamins, 2003. P. 259–286.
- Shibatani 2007 — M. Shibatani. Grammaticalization of converb constructions: The case of Japanese *-te* conjunctive constructions // J. Rehbein, C. Hohenstein, L. Pietsch (eds.). Connectivity in Grammar and Discourse. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 2007. P. 21–49.
- Soga 1983 — M. Soga. Tense and aspect in Modern Colloquial Japanese. Vancouver: University of British Columbia Press, 1983.
- Sumida 2011 — T. Sumida. *Idōdōshi “kuru”-no bunpōka-to voisu-kinō* [Grammaticalization and voice-related functions of the motion verb *kuru*]. PhD Thesis. Kobe: Kobe University, 2011.
- Tokunaga 1986 — M. Tokunaga. Affective deixis in Japanese: A case study of directional verbs. Doctor dissertation. Ann Arbor: University of Michigan, 1986.
- Zúñiga 2006 — F. Zúñiga. Deixis and alignment. Inverse systems in indigenous languages of the Americas. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 2006.

Источники

- Кокинвакасю 2001 — Кокинвакасю. Собрание старых и новых песен Японии / А. А. Долин (пер. со старояп.). СПб.: Гипернон, 2001.
- Манъёсю 1971 — Манъёсю. («Собрание мириад листьев») / А. Е. Глушкина (пер. с яп.); Н. И. Конрад (ред.). М.: Наука, 1971.
- BCCWJ — Balanced Corpus of Contemporary Written Japanese (электронный ресурс). URL: <https://chunagon.ninjal.ac.jp/bccwj-nt/search> (дата обращения: 8.04.2021).
- CHJ — Corpus of Historical Japanese (электронный ресурс). URL: <https://chunagon.ninjal.ac.jp/chj/search> (дата обращения: 2.06.2020).
- JASP Team 2020 — JASP (Version 0.12.2) (компьютерная программа).

References

- Alpatov 1973 — V. M. Alpatov. *Kategorii veshlivosti v sovremennom yaponskom yazyke* [Categories of politeness in the modern Japanese language]. Moscow: Nauka, 1973.
- Alpatov et al. 2008 — V. M. Alpatov, P. M. Arkadyev, V. I. Podlesskaya. *Teoreticheskaya grammatika yaponskogo yazyka* [Theoretical grammar of the Japanese language]. V. 2. Moscow: Natalis, 2008.

- Fedorova 2008 — O. V. Fedorova. *Osnovy eksperimentalnoy psikholingvistiki. Printsipy organizatsii eksperimenta* [Fundamentals of experimental psycholinguistics. Principles of experimental design]. Moscow: Sputnik, 2008.
- Fillmore 1971 — C. J. Fillmore. *Santa Cruz lectures on deixis*. Indiana: Indiana University Linguistics Club, 1971.
- Frellesvig 2010 — B. A. Frellesvig. *History of the Japanese language*. New York: Cambridge University Press, 2010.
- Hasegawa 1993 — Y. Hasegawa. Prototype Semantics: A case study of te K-/IK- constructions in Japanese. *Language & Communication*. 1993. Vol. 13 (1). P. 45–65.
- Haspelmath 1998 — M. Haspelmath. Does grammaticalization need reanalysis? *Studies in language*. 1998. Vol. 22 (2). P. 315–352.
- Heine, Kuteva 2002 — B. Heine, T. Kuteva. *World Lexicon of Grammaticalization*. Cambridge: Cambridge University Press, 2002.
- Hidaka 2018 — T. Hidaka. “*V-te-iku/V-te-kuru*”-no tagisei to tōgo. [Polysemy and Syntax of *V-teik* and *V-tek*]. *Theoretical and applied Linguistics at Kobe Shoin: Talks*. 2000. No. 21. P. 23–40.
- Inoue 1962 — H. Inoue. *Dōshi-no setsujika: manyōshū-no “yuku” to “ku”* [Grammaticalization of verbs into affixes: the case of *yuku* and *ku* in Manyōshū]. *Manyō*. 1962. No. 43. P. 27–37.
- Koga 2008 — H. Koga. “*Te-kuru*”-no voisu-ni kanren-suru kinō [Voice-related functions of *te-kuru*]. Yu. Mori, M. Komeyama, Yo. Nishimura (eds.). *Kotoba-no dainamizumu*. Tokyo: Kuroshio Shuppan, 2008. P. 241–257.
- Kojima 1998 — S. Kojima. “*Yuku*” to “*ku*”: *Genji-monogatari-ni okeru yōhō* [Functions of *yuku* and *ku* in the Tale of Genji]. [Anon.] (eds.). *Tōkyō daigaku kokugo kenkyūshitsu sōsetsu hyakushūnen kinen kokugo kenkyūron-shū*. Tokyo: Kyuko Shoin, 1998. P. 325–344.
- Konuma 2011 — Yu. Konuma. Ponyatiye superleksemy i aspektualnaya harakteristika yaponskogo glagola [The notion of superlexeme and the aspectual profile of Japanese verb]. *Voprosy yazykoznaniiya*. 2011. No. 6. P. 67–79.
- Konuma 2014 — Yu. Konuma. Deykticheskiye oriyentivy kak ogranchiteli v sisteme yaponskogo glagolnogo aspekta [Deictic orientives as the bounders in the Japanese system of verb aspect]. *Acta Linguistica Petropolitana. Trudy Instituta lingvicheskikh issledovaniy*. 2014. Vol. X. Pt. 1. P. 775–780.
- Kuznetsov 2020 — A. A. Kuznetsov. *Grammatikalizatsiya glagolov dvizheniya v yaponskom yazyke* [Grammaticalization of motion verbs in Japanese]. Graduation Paper. St. Petersburg: St. Petersburg State University, 2020.
- Maysak 2005 — T. A. Maysak. *Tipologiya grammatikalizatsii konstruksiy s glagolami dvizheniya i glagolami pozitsii* [Grammaticalization paths of motion and posture verbs: a typology]. Moscow: Yazyki slavyanskikh kultur, 2005.

- Mattiola 2019 — S. Mattioli. *Typology of Pluractional Constructions in the Languages of the World*. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 2019.
- Nakayama 2010 — K. Nakayama. *Nihongo-no dōshi “iku/kuru”-no tagisei-no kijut-su: hondōshi-kara hojodōshi-e* [A Descriptive Study on the Polysemous Words *iku* ‘to go’ and *kuru* ‘to come’ in Modern Japanese]. PhD Thesis. Tokyo: Tokyo University of Foreign Studies, 2010.
- Ono 2000 — K. Ono. Grammaticalization of Japanese Verbals. *Australian Journal of Linguistics*. 2000. Vol. 20 (1). P. 39–79.
- Plungyan 2011 — V. A. Plungyan. *Vvedeniye v grammaticheskuyu semantiku. Grammaticheskiye znacheniya i grammaticheskiye sistemy yazykov mira*. Moscow: Russian State University for the Humanities Press, 2011.
- Reddy 1979 — M. Reddy. The Conduit Metaphor. A. Ortony (ed.). *Metaphor and Thought*. Cambridge: Cambridge University Press, 1979. P. 284–324.
- Schütze, Sprouse 2013 — C. T. Schütze, J. Sprouse. Judgement data. R. J. Podesva, D. Sharma (eds.). *Research Methods in Linguistics*. Cambridge: Cambridge University Press, 2013. P. 27–51.
- Shibatani 2003 — M. Shibatani. Directional Verbs in Japanese. E. Shay, U. Seibert (eds.). *Motion, Direction and Location in Languages: In Honor of Zygmunt Frajzyngier*. Amsterdam: John Benjamins, 2003. P. 259–286.
- Shibatani 2007 — M. Shibatani. Grammaticalization of converb constructions: The case of Japanese *-te* conjunctive constructions. J. Rehbein, C. Hohenstein, L. Pietsch (eds.). *Connectivity in Grammar and Discourse*. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 2007. P. 21–49.
- Shirane 2017 — H. Shirane. *Klassicheskiy yaponskiy yazyk: grammatika* [Classical Japanese: a grammar]. A. G. Fesyun (ed.). Moscow: HSE University Press, 2017.
- Shluinsky 2005 — A. B. Shluinsky. *Tipologiya predikatnoy mnozhestvennosti: kolichestvennye aspektual’nye znacheniya* [A typology of pluractionality: quantitative aspectual meanings]. Candidate thesis. Moscow: Moscow State University, 2005.
- Soga 1983 — M. Soga. *Tense and aspect in Modern Colloquial Japanese*. Vancouver: University of British Columbia Press, 1983.
- Sumida 2011 — T. Sumida. *Idōdōshi “kuru”-no bunpōka-to voisu-kinō* [Grammaticalization and voice-related functions of the motion verb *kuru*]. PhD Thesis. Kobe: Kobe University, 2011.
- Tokunaga 1986 — M. Tokunaga. *Affective deixis in Japanese: A case study of directional verbs*. Doctor Dissertation. University of Michigan, 1986.
- Xrakovskij 2009 — V. S. Xrakovskij. Taksis: semantika, sintaksis, tipologiya. V. S. Xrakovskij (ed.). *Tipologiya taksisnykh konstruksiy*. Moscow: Znak, 2009. P. 11–113.
- Zúñiga 2006 — F. Zúñiga. Deixis and alignment. Inverse systems in indigenous languages of the Americas. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 2006.